

ДИСКУССИЯ

Возможна ли новая Восточная политика?

Кризис и санкции, утрата доверия и конфронтация определяют сегодня отношения между Россией и Западом. Некоторые говорят даже о новой холодной войне. Что делать Германии и ее политикам — размышляет журналист и писатель **Катя Глогер**.



Катя Глогер

На этот выборный период у немецкого политика были большие планы: он хотел оставить после себя что-то большое и долговечное. Франк-Вальтер Штайнмайер, в конце 2013 года повторно возглавивший берлинский МИД, надеялся поставить германо-российские отношения на новый, прочный фундамент. Его прежний начальник Герхард Шредер, невзирая на критику по поводу так называемой газпромовизации, продемонстрировал, как это делается: единожды объявив вопрос германо-российских отношений делом канцлера, он оставался непоколебим в своей дружбе с Владимиром Путиным. Это отличало его от коллег по политическому цеху из ХДС/ХСС, СвДП и партии «Зеленые», которые в конце 2012 года обошлись с российским президентом бесцеремонно, приняв в Бундстаге критическую резолюцию по России. В концепции Франка-Вальтера Штайнмайера отношения с Россией должны определяться традицией некогда столь успешной восточной политики СДПГ. Политики понимания и компромиссов, которая зиждется на исторической ответственности Германии перед Россией.

В договоре о создании правящей коалиции, подписанном в конце 2013 года, значилось: «Мы хотим распространить партнерство в сфере модернизации на новые области, чтобы тем самым способствовать общественному, политическому и экономическому прогрессу». Подобно тому, как другие постсоветские государства вовлекаются в общий процесс в рамках стратегии «Восточно-го партнерства» Евросоюза, в условиях германо-российского «партнерства в сфере модернизации» руководство РФ в конечном итоге тоже не сможет противиться мягкому притяжению постепенной интеграции. В определенной мере это и будет «переменами через сближение» — вот на что надеялись авторы идеи. Однако при желании уже давно можно было увидеть, что российская элита заинтересована не столько в модернизации или тем более демократизации, сколько во власти и приумножении капиталов. И с началом украинского кризиса в 2014 году, с аннексией Крыма и российским вмешательством на востоке Украины Путин из стратегического партнера превратился в стратегическую проблему, а возможно, и в непредсказуемого противника. «Мы абсолютно неправильно „читали“ Россию и ее президента», — полагает один высокопоставленный немецкий дипломат.

Как бы то ни было, перспектива «партнерства в сфере модернизации», с которым еще недавно связывали большие надежды, а также разрядки и «перемен через сближение», похоже, перенеслась в неопределенное будущее. Линии фронтов застыли. Сегодня немцы задаются вопросом: возможна ли, нужна ли сегодня новая восточная политика? И если да, то какая?

После строительства Берлинской стены в 1961 году разделение Германии казалось окончательным и бесповоротным. Вопреки всем заверениям в солидарности, границу системы между Востоком и Западом приняли в том числе и Соединенные Штаты. После урегулирования кубинского кризиса в 1962 году обе сверхдержавы перешли к осторожной разрядке, как бы заморозив холодную войну. С учетом таких рамок условий распрощаться с иллюзиями и признать статус-кво (но не смириться с ним), чтобы со временем преодолеть разделение, в начале 1960-х годов тогдашний правящий бургомистр Берлина Вилли Брандт и его пресс-секретарь Эгон Бар наоупшг шли на Восток. Двое политиков от СДПГ сформулировали «неизбежность рискованного предприятия по мирному сосуществованию» с Советским Союзом.

15 июля 1963 года Вилли Брандт в Евангелической академии в Туттингене впервые заговорил о наличии у Востока и Запада «общих интересов в сфере безопасности». На первые полосу газет попала сопроводительная речь Эгона Бара, для которой один из его сотрудников подобрал броский заголовок «Перемены через сближение»: «Трансформация Зоны должна происходить с одобрения советского



Эгон Бар, генсекретарь Социал-демократической партии и один из ключевых архитекторов Ostpolitik (справа), приветствует председателя партии Вилли Брандта в Бонне в 1979 году



Конец Берлинской стены — это тоже в значительной степени наследие Брандта

руководства. Если это удастся, тем самым мы сделаем большой шаг к воссоединению».

Спустя всего несколько лет такая «новая восточная политика» стала брендом внешней политики новой, современной Германии в канцлерстве Вилли Брандта. Признание статус-кво означало в том числе признание послевоенного территориального устройства на востоке Европы. Отныне немцы хотят быть добрыми соседями для других народов, подчеркивал он.

В спорах вокруг «исторического наследия восточной политики» нередко забывают: восточная политика Вилли Брандта стала возможной потому, что члены НАТО после долгих дискуссий в 1967 году сошлись на новой стратегии и доктрина «безопасности и разрядки» пришла на смену концепции «масштабного возмездия». Двойная стратегия, основанная на подготовленном министром иностранных дел Бельгия Пьером Хармелем документе, была направлена на Советский Союз: сдерживание посредством обеспечения достаточной обороноспособности было решено дополнить готовностью к разрядке посредством диалога и переговоров о контроле над вооружениями. Решающую роль сыграло то, что новая натовская страте-

В числе ее подписантов был и тогдашний президент Советского Союза Михаил Горбачев. Впрочем, дорога в Париж пролегла через Хельсинки. 1 августа 1975 года — эта дата навсегда выгравирована золотыми буквами на скрижали европейской истории: советское телевидение показало монументальный документальный фильм, в котором тогдашний глава государства и партии Леонид Брежнев предстал в амплуа миротворца в Европе и для Европы. 1 августа 1975 года 35 глав государств и правительств из Европы и Северной Америки подписали в Хельсинки Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Этот документ считался победой советской дипломатии, поскольку закреплял европейские послевоенные реалии. Однако окончательное оформление послевоенного, ялтинского мирового порядка, на которое надежлись в Кремле, оказалось пирровой победой.

Участники совещания, созванного по инициативе Советского Союза, согласовали текст документа, не обладавшего обязательственной силой в контексте международного права, но призванного создать условия для долгосрочной безопасности и разрядки в Европе. В первом блоке Советский Союз добился признания нерушимости

остаться «хозяином в собственном доме» найдется, в Москве не сомневались. Однако хельсинкский Заключительный акт было невозможно скрыть от общественности или заретушировать средствами пропаганды. Граждане поймали свое правительство на слове: весной 1976 года правозащитники основали в московской квартире физика-ядерщика и лауреата Нобелевской премии мира Андрея Сахарова первую в стране Хельсинкскую группу. Своей целью они объявили контроль над исполнением Заключительного акта СБСЕ и документирование нарушений в случае их выявления. В том же 1976 году в Польше появился Комитет защиты рабочих (KOR), а вскоре после него — профсоюзное движение «Солидарность»; немногим позднее 242 правозащитника в Праге обнародовали «Хартию 77». В ГДР стали расти кипы заявлений на выезд в Федеративную Республику.

«Этими „детьми“ своей восточной политики немецкая социал-демократия могла бы гордиться», — писал историк Генрих Август Винклер в книге для памятных записей СДПГ, — но не гордилась. Она видела во всех правозащитниках скорее угрозу достигнутому уровню разрядки между двумя немецкими государствами в частности и в Европе в целом».

Продолжая использовать название «партнерство в сфере безопасности», ведущие социал-демократы с начала 1980-х годов выработали новый вариант восточной политики. Его основная идея теперь скорее соответствовала той психологии безопасности, которую иные «пониматели России» сегодня вновь хотят провозгласить максимальной российской политики Германии: обеспечение мира посредством стабилизации существующего строя. В понимании такой восточной политики, которую в целом продолжил и федеральный канцлер Гельмут Коль, безопасностью была «ключом ко всему».

Однако для внешнего мира необходим «внутренний мир» между гражданами и государством, все остальное есть «безумнейшая утопия» — на это авторитетный писатель, правозащитник и будущий президент Чехии Вацлав Гавел указывал «восточно-политическому» истеблишменту Федеративной Республики еще в середине 1980-х годов. Восточная полити-

ка была «проблемсом надежды на Европу без холодной войны», признавал он, но вместе с тем и «отречением от свободы как основополагающей предпосылки любого мира».

Существов мирные революции, люди в Центрально-Восточной Европе и в ГДР преодолели самообман такой восточной политики, «деградировавшей до умиротворения режимов в Восточной Европе, а также в Советском Союзе», — полагал бывший президент ФРГ Йоахим Гаук. В начале 1990-х годов большинство государств прежнего Варшавского блока взяли курс на возвращение в Европу. Демократические и процвета-

Квартир в «общем европейском доме» хватило многим — России же досталась только подсобка

ющие государства Центрально-Восточной Европы, как долгое время искренне считали на Западе, соглашались на расширение НАТО и ЕС на Восток, могли впервые в истории принести мир и безопасность к западным границам России. В результате квартир в «общем европейском доме» хватило многим — России же досталась только подсобка.

На Западе не понимали одного: людям в России казалось, что их страна, которая так или иначе должна быть частью Европы, почему-то осталась за дверью. Железный занавес пал, а натовский забор из колючей проволоки устоял.

Владимир Путин почувствовал в себе достаточно силы, чтобы «вырваться» из устоявшихся после 1989 года европейских правил, которые, по его убеждению, противоречат интересам безопасности страны. Украинский конфликт явился не поводом, а предварительной кульминацией этой прогрессирующей отчужденности, нежелания России по-прежнему признавать правомочность европейского мирного порядка.

Сегодня пропаганда якобы славного имперского прошлого «русского мира», а также наличия «внешних» и «внутренних врагов» всех мастей служит легитимации, очевидно, все менее способной к реформам авторитарной системы, цементирующей экономическую и социальную

отсталость потенциально богатой и, да, европейской страны. Как следствие, такая конфронтация становится реалией якобы все более «постзападного» мира.

Эксперт по внешней политике из партии ХДС Норберт Рёттген считает, что «натурализация» России в Европе «не удалась — не навсегда, но надолго. Аннексия Крыма, военное вторжение на восток Украины — это „рекзит“, выход России из европейского политического порядка. Россия Владимира Путина сделала выбор в пользу стремления вновь занять центральное место на мировой политической арене, и мерило здесь — равенство с США. Что, однако, должно быть достигнуто уже не модернизацией России по западному образцу, а превозношением себя над международными нормами».

Кризис и санкции, утрата доверия и конфронтация — разве в такие неспокойные времена новая восточная политика не востребована особенно остро? В настоящий момент можно представить себе в лучшем случае крохотные шаги, направленные на укрепление доверия, деэскалацию и минимизацию (военных) рисков, диалог на медленном огне. Желаяющим апеллировать к «историческому наследию Вилли Брандта» следует прежде всего понять: разрешение военного конфликта на востоке Украины должно быть предпосылкой новой восточной политики, а не ее целью. Кроме того, вероятно, новой восточной политикой может стать и политика, не нацеленная автоматически на полную солидаризацию с Кремлем: Россия «для немецкой политики не важнее совокупности отношений Германии со всеми ее соседями на Востоке», пишет авторитетный эксперт по внешней политике социал-демократ Карстен Фойтг.

Но прежде всего новая восточная политика в духе Вилли Брандта «должна призывать к восстановлению европейского мирного порядка, что предполагает, в частности, открытое и самокритичное обсуждение собственных нарушений от соответствующих систем ценностей»,

отмечает Гернот Эрлер, многие годы бывший координатором правительства ФРГ по межобщественному сотрудничеству с Россией. «Недопустимо и неприемлемо, чтобы нарушения достигнутых в Хельсинки и Париже соглашений стали печальной действительностью и ценой новых усилий по разрядке», — добавляет он.

Россию и Германию связывает очень многое — тысяча лет совместной истории, в чем-то трагической, в чем-то прекрасной. Да, Россия должна и впредь оставаться для Германии важнейшей страной восточнее границ ЕС и НАТО, с населением которой немцев связывают историческая ответственность и симпатии; необходимо терпеливо поддерживать русским в поисках их внутреннего мира. Ведь люди в России ничто не служили больше, чем возможность наконец жить в мире с самими собой и со своими соседями.

Вилли Брандт решил шагнуть на Восток. Возможно, в не очень далеком будущем наступит час, когда кто-то в России решится шагнуть назад, в Европу. Пусть двери остаются открытыми.

Катя Глогер, автор и многолетний корреспондент немецкого журнала Stern в Москве, следит за ситуацией в России уже больше четверти века. В основу статьи легла глава «Миф о восточной политике» из недавно вышедшей книги Кати Глогер «Чужие друзья»